

Вчетвером они притащили двоих обратно в Красный терем.

— Заносите Сюй Байли внутрь, я осмотрю тело, — Лань Цзыцзюнь деловито затянул наручи, так и сгорая от нетерпения.

Но стоило ему приступить к осмотру, как его брови поползли к переносице, а лоб прорезала глубокая складка.

— Да как же так-то?.. — озадаченно пробормотал он.

— Что там? — Хуа Тянь так и вытянул шею, пытаясь заглянуть через его плечо.

Лань Цзыцзюнь пропустил его вопрос мимо ушей. Лишь когда к покойнику подошел Цзянь Цзянь и тихо спросил о том же, лекарь наконец соизволил заговорить:

— На шее отчетливые, глубокие кровоподтеки. Кроме того, на груди, спине и конечностях видны укусы и синяки разной давности. Предварительно могу сказать, что его задушили голыми руками.

— Но что тогда вас смущает, господин Лань? — озвучил Цзянь Цзянь то, что крутилось на языке у Хуа Тяня.

— А смущает меня то, что этот человек мертв уже больше трех лет.

— Три года?! Да быть не может! — не удержался от восклицания Хуа Тянь.

Лань Цзыцзюнь снова погрузился в ледяное молчание.

«Да чтоб тебя черти драли!» — безмолвно взвыл в душе Хуа Тянь.

— Но господин Лань, тело Сюй Байли выглядит так, будто он испустил дух буквально только что... — попытался сгладить неловкость Цзянь Цзянь.

— Вот именно! Сдохни он три года назад, от него бы уже одни кости остались! — Хуа Тянь упорно лез на рожон, за что тут же поплатился: Чжун Ли зажал ему рот ладонью и бесцеремонно оттащил в сторону.

— Господин Хуа, давайте-ка мы попридержим языки и послушаем, что скажет лекарь, — тихонько шепнул Чжун Ли.

«Мать вашу за ногу, это бунт! — возмутился про себя Хуа Тянь, тщетно пытаясь вырваться. —

Кто тут вообще владыка Дифу?! Что за несносные подчиненные, уволю всех к чертовой матери!»

— Степень разложения внутренних органов не оставляет сомнений: смерть наступила три года назад, — Лань Цзыцзюнь бросил язвительный взгляд в сторону Хуа Тяня. — Впрочем, в Поднебесной существуют особые составы для бальзамирования, позволяющие годами сохранять плоть нетронутой. Но кое-какие невежественные олухи о подобных тонкостях, разумеется, и ухом не слыхивали.

— Слышь, ты на кого намека... — попытался огрызнуться Хуа Тянь, но Чжун Ли намертво запечатал ему рот, а заодно перехватил поперек туловища. Несчастный владыка преисподней задергался, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, и мысленно взвыл от такой несправедливости.

— Я читал о подобном снадобье, — подал голос Цзянь Цзянь, заставив всех притихнуть и вернуться к делу. — Его невероятно трудно достать. Чтобы приготовить этот бальзам, нужно собрать сорок девять редчайших трав и томить их в котле ровно сорок девять дней и ночей.

— То, что Ма Юэ сумел сварить это зелье, не такая уж великая тайна за семью печатями, — подал голос Хуа Тянь, которого Чжун Ли наконец соизволил выпустить. Он присел на корточки, обхватил голову руками и уставился в пол. — Меня другое гложет. Он безвылазно торчал на этой горе целых три года только ради того, чтобы сберечь тело Сюй Байли. Но зачем? Какая у него была цель?

— Сначала придушил беднягу, а потом годами варил отвары, чтобы сохранить его труп... Уж не извращенец ли наш Ма Юэ? — выдал Чжун Ли свою версию с прямотой, от которой у Хуа Тяня глаза на лоб полезли.

Хуа Тянь пулей подскочил с места, окончательно позабыв о своих глубоких размышлениях, и принялся яростно тыкать пальцем в лоб великого героя Чжуна.

— Твоя дубья башка вообще соображает, что несёт?! Что за чушь у тебя в мозгах варится?

— Да ладно вам, господин Хуа, не издевайтесь. Ну, сморозил глупость, бывает, — сконфуженно ухмыльнулся Чжун Ли, потирая затылок.

— Да какими глазами ты вообще смотришь?! По-твоему, я смеюсь? Я, блядь, в ярости! Неужели не... заметно?

В этот момент кожаный заплочный мешок Чжун Ли резко заходил ходуном. Скрытые в нем мечи Саньсюэ зловеще задрожали, издав пронзительный, скрежещущий звон.

Хуа Тянь мгновенно отпрыгнул назад и юркнул за спину Цзянь Цзяня.

— Т-ты... что это у тебя там заплесало? — испуганно забормотал он. — Они что, сейчас сами выскочат и порежут меня на куски?!

— Очень даже может быть, — ядовито усмехнулся Лань Цзыцзюнь, наблюдая за этой сценой. — Саньсюэ преданны хозяину до безумия. Предыдущего смельчака, который посмел вот так тыкать Чжун Ли в лоб, они искромсали в фарш за пару мгновений.

— Что?! — запаниковал Хуа Тянь, начиная без разбору сыпать всеми известными ему буддийскими заповедями. — Пощадите, великий герой Чжун! Повинную голову меч не сечет! Сжальтесь над сиротой, спасение одной жизни ценнее строительства семи ярусов пагоды! Положите мечи на место...

Чжун Ли шутливо шлепнул ладонью по мешку, и оружие внутри тут же затихло.

— Успокойтесь, господин Хуа. Саньсюэ, конечно, клинки своенравные и духовные, но без моей воли они не более чем три куска обычного железа.

— Ну, то-то же, — выдохнул Хуа Тянь и, приободрившись, с опаской вернулся на прежнее место. — Ты уж присматривай за своим добром, Чжун Ли. Негоже приличному человеку оружием размахивать и честной народ до икоты пугать.

— Что делать дальше будем? — спросил Лань Цзыцзюнь. Ситуация зашла в тупик: Ма Юэ сбежал, и все ниточки оборвались.

— Для начала подождем, пока очнется Юй Цзыи, — рассудил Хуа Тянь. — Расспросим его хорошенько.

Однако тот беспробудно спал. Потеряв терпение, Хуа Тянь набрал полный рот остывшего чая и знатно, точно из брандспойта, окатил лицо юноши брызгами.

Юй Цзыи поперхнулся, закашлялся и наконец разлепил веки. Ошалело оглядевшись по сторонам, он хрипло спросил:

— За что меня опять связали?

«Ты еще спрашиваешь, паршивец?! — мысленно возмутился Хуа Тянь. — Да ты чуть Лань Цзыцзюню башку не снес!»

— Брат Юй, вчера вы снова потеряли над собой контроль, — мягко проговорил Лань Цзыцзюнь. — Неужели вы сами ничего не помните?

— А... — Юй Цзыи поник, и его безумный взгляд угас, уступив место прежней кротости. — Да,

припоминаю... Видимо, когда я увидел бездыханное тело Байли, меня захлестнула такая ярость, что я перестал себя контролировать. Простите меня, если сможете.

— Быть может, вы развяжете меня? Кости уже ломит от этих веревок.

— А ты гарантируешь, что сразу же не схватишься за меч? — с сомнением буркнул Хуа Тянь. Припадки безумия Юй Цзыи становились всё опаснее, и предугадать его поведение было невозможно.

— Даю слово.

— Развяжи его, — кивнул Хуа Тянь лекарю.

Лань Цзыцзюнь негромко прочел заклинание, и стягивавшая пленника веревка бессильно соскользнула на пол. Юй Цзыи поднялся, разминая затекшие плечи, и тут же наткнулся взглядом на лежащее на кровати тело.

— Байли!

Он бросился к постели. В ту же секунду его глаза налились кровью, на висках бешено забились раздувшиеся вены, а лицо исказила судорога.

— Твою мать, опять началось! — в панике завопил Хуа Тянь, до смерти боясь непредсказуемого буйства юноши и вовсе не желая лишиться головы во второй раз. — Цзыцзюнь, вяжи его! Быстрее вяжи!

— Не надо... — Юй Цзыи со стоном зажал лицо ладонями, судорожно задышав. — Я... я справлюсь. Оставьте меня.

Сделав несколько глубоких вдохов, он постепенно пришел в себя. Пелена безумия спала с его лица.

Во всей комнате один лишь Чжун Ли осмелился подойти к Юй Цзыи. Он дружески похлопал его по плечу:

— Брат Юй, ты уж держи себя в руках. Чуть что — сразу в драку, так и помереть недолго от разрыва сердца.

Хуа Тянь, видя, что великий герой Чжун надежно прикрывает его своей широкой спиной, высунулся из угла и крикнул:

— Это у него болезнь душевная, ее лечить надо!

Юй Цзыи злобно зыркнул на него. Хуа Тянь тут же вытаращился в ответ — подумаешь, напугал! С такой защитой, как Чжун Ли, ему море было по колено.

— И нечего на меня zenки пучить, я дело говорю, — Хуа Тянь вальяжно устроился на стуле, принявшись неторопливо чистить сочный мандарин. Отправив в рот дольку, он прищурился. — Рассказывай давай всё, что тебе известно. Как погиб Сюй Байли? И зачем этот маньяк Ма Юэ три года оберегал его труп от тления?

Хуа Тянь пытливо взгляделся в лицо Юй Цзыи. Его чутье подсказывало: юноша явно не договаривает. И действительно, поколебавшись, тот наконец заговорил:

— В тот день, когда я случайно встретил Байли на улице, — негромко начал Юй Цзыи, глядя куда-то в пустоту, — его облик навсегда врезался мне в память. Стояла лютая, беспощадная стужа, валил хлопьями снег. Байли стоял посреди мостовой в лохмотьях, бледный, изможденный и оголодавший. Но на его губах играла дерзкая, высокомерная улыбка, а во взоре читалась такая гордость, будто весь мир лежал у его ног.

Я подошел к нему, протянул горячий пирожок и попытался заговорить. И эта его непреклонная гордость покорила мое сердце без остатка. Нищий, оборванный, он ни на миг не признал себя ниже других. Напротив, он вел себя царственно и раздавал моим слугам приказания с такой обезоруживающей уверенностью, будто привык повелевать от рождения.

Когда я привел его в наше поместье, меня поразили его блестящий ум. За маской живого, взбалмошного и непоседливого юноши скрывался тонкий интеллект. Он цитировал древние трактаты наизусть, разбирался в науках и изъяснялся изысканным слогом, легко слагая стихи.

Мы проводили вместе дни напролет, делили одну постель и засыпали в объятиях друг друга. С каждым днем моя привязанность крепла, пока я наконец не осознал истинную природу своих чувств. В одну из ночей я больше не смог сдерживаться и открыл ему душу. Байли не оттолкнул меня. С того момента мы стали близки, словно муж и жена, скрепив наш негласный союз.

Дни, проведенные с ним, казались сказкой... Если бы только не появление Ма Юэ. Как-то раз Байли вернулся с прогулки не один. Он привел с собой угрюмого, свирепого на вид детину. Сказал, что это его дальний родственник, которому негде преклонить голову, и попросил приютить на пару дней. Я, ни о чем не подозревая, согласился. Позже этот Ма Юэ проявил себя смывленным и работающим малым, и мой отец решил оставить его в поместье насовсем.